

Вторая и третья части первой главы соответственно озаглавлены Б. Н. Двигининовым «Первый бой» и «Второй бой». «Первый бой» делится на три основных эпизода: «Ночлег в степи перед боем», «Победа над половцами», «Вторичный ночлег после боя». «Второй бой»: «Движение главных половецких сил навстречу Игорю», «Развертывание битвы, слитое с грозой», «Подвиги буй-гура Всеволода». Предложенное Б. Н. Двигининовым разделение второй части на основные эпизоды в целом не вызывает возражения, так же как и внутреннее разделение двух первых эпизодов этой части на три более мелких подразделения. Однако нельзя, как это делает Б. Н. Двигининов, выносить из второй части фразу «Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ вѣкомъ; Кончакъ ему слѣдь править къ Дону великому» в третью часть, как первый основной эпизод этой части. Ведь по смыслу эта фраза тесно связана с картиной ночлега русских войск в степи: во время отдыха русских воинов, утомленных первым боем, когда их окружают половцы. Слова о Гзаке и Кончаке нельзя считать основным эпизодом второго боя; движение половецких сил происходит накануне второго боя, что и подчеркивается первым же словом, с которого начинается рассказ о второй битве: «Другаго дни...». Б. Н. Двигининову, очевидно, необходимо перенести слова о Кончаке и Гзаке в третью часть потому, что если оставить их во второй части, то третий эпизод второй части будет состоять из двух пунктов — картины ночлега и фразы о движении половецких сил во время ночлега русских, что нарушает выдержанность принципа трехчленности во всех частях произведения. Однако Б. Н. Двигининов не замечает, что включение этого эпизода в третью часть первой главы должно было бы заставить его разбить всю эту часть не на три, а на четыре основных эпизода. «Развертывание битвы, слитое с грозой», это не один эпизод, а два: 1) символическая картина грозы, предшествующая рассказу о битве, и 2) картина самой битвы. И здесь, как и в первом случае, мы видим, что текст «Слова» не укладывается в схему Б. Н. Двигининова.

Мы не будем столь же подробно анализировать остальные части плана «Слова», предложенного Б. Н. Двигининовым, приведем лишь несколько конкретных примеров, когда текст памятника явно противоречит тому членению его, которое предлагается автором исследования. Первая часть второй главы «Сон Святослава» разбивается Б. Н. Двигининовым на три основных эпизода: 1) содержание «мутного» сна, 2) толкование сна боярами, 3) авторская оценка поражения «с международной точки зрения». Непонятно, откуда появился третий эпизод? Ведь его нет в «Слове»! После рассказа Святослава боярам своего сна «ркоша бояре князю: „Уже, княже...“ и далее идет ответ бояр, в котором они говорят о походе и поражении Игоря, о последствиях этого похода, в том числе и с «международной точки зрения» (мы не останавливаемся на неудачности столь современного определения в отношении к «Слову») и заканчивают свой ответ словами: «А мы уже, дружина, жадни веселія». Нет сомнения, что в ответе бояр князю отразилась авторская оценка, но она входит в самый ответ бояр и выделять ее в самостоятельный эпизод никак нельзя. Третья и четвертая части второй главы последовательно озаглавлены Б. Н. Двигининовым как «Обращение к князьям Северо-Западной Руси» и «Обращение к вольнским князьям». «Обращение к князьям Северо-Западной Руси» делится им на три обращения: 1) к Всеволоду Владимиро-Суздальскому, 2) Рюрику и Давиду Смоленским и 3) к Ярославу Галицкому. В данном случае Б. Н. Двигининову приходится явно грешить против истории и географии. Ни исторически, ни географически Галицкое княжество никак не может быть объе-